

В.Г. КОСТОМАРОВ.

Язык текущего момента: понятие правильности

Писать свои наблюдения о книге известного ученого нелегко, тем более — проникать в филологическую лабораторию его мысли. Здесь надо быть творцом, обладать незаурядной интуицией и кругозором автора, перед глазами которого прошла целая эпоха культурных и языковых потрясений. Конечно, мы не обладаем таким багажом знаний и фактов, но воспринимаем эти заметки всего лишь как герменевтические подступы к философии языка, которую нам открывает один из самых ярких, умеющих удивлять и заражать своей исследовательской энергией ученых — Виталий Григорьевич Костомаров. Его перу принадлежит целая серия книг, освещающих сложные процессы «вкусов эпохи», ее предпочтений и словесных игр: «Русский язык на газетной полосе: «Некоторые особенности языка современной газетной публицистики» (М., 1971), «Мой гений, мой язык: Размышления языковеда в связи с общественной дискуссией о языке» (М., 1991), «Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа» (М., 1994; СПб., 1999), «Старые мехи и золотое вино: Из наблюдением над русским словоупотреблением конца XX века» (СПб., 2001), «Язык и культура: три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы» — совместно с Е.М. Верещагиным (М., 2005), «Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики» (М., 2005), «Рассуждение о формах текста в общении» (М., 2008, 2014), «Памфлеты о языке: родном, благоприобретном и русском языке в Евразии: монография» (М., 2015. Изд. 4-е . М., 2017).

И вот теперь перед нами новая книга с ожившим в XXI веке заголовком «Язык текущего момента: понятие правильности» (СПб., 2014). Ее нельзя назвать обычным научным трудом — «монографией», где все четко структурировано, подчинено единой «концепции», и на первый план выставляются пресловутые «актуальность» и «новизна».

В.Г. Костомаров — мастер другого жанра — культурно-исторических «памфлетов», филологических эссе — наблюдений над родным языком в периоды его разрушения, возрождения, перевоплощения, или «карнавализации», и опять движения вперед вопреки домыслам о «гибели языка» и засилии «иностранщины». Такой жанр позволяет автору как бы поговорить с читателем, приглашает к совместному размышлению — не назидательно, как в учебниках, и не сухо и схематично, как в монографиях.

Вместе с тем такой «задорный, детективно-иронический стиль сочинительства», как написал сам В.Г. Костомаров в предисловии «От автора», — это вполне сознательный и притом *научный* прием, позволяющий «сделать изложение легким и доступным, даже развлекательным, но не раздражающим упертых педантов» (С. 5).

Замысел книги почти колеблется между ретроспективой, или выражаясь, метким тезисом ученого, «картиной привычного», и новым, динамичным «заглядом в будущее». И везде автор лингвофилософствует на самые острые вызовы времени — «текущие моменты», главным из которых является проблема *нормы*, понятие правильности, без чего невозможна жизнь полноценного языкового организма. В нем, как и в живом существе, по венам течет кровь и проникает в самые отдаленные уголки мыслящей «биомассы» (какое ужасное слово появилось в речевом обиходе!), но она обладает своим разумом и вживляет заложенный в генах культурный код — ту самую *филологию духа*, которую с молоком матери впитывает ребенок.

Так что же такое *правильный язык*? И возможно вообще применение этого понятия к «подвижному океану»? Ведь с одной стороны, это — неугаваемая стихия, с другой — организованная система, находящаяся в постоянном движении и в противоречиях. Последние В.Г. Костомаров объединяет термином «избыточность». Итак, «**правильный русский язык**, который становится общим, гордо повторяет в своем названии имя государства и народа, кому он родной, — *русский, Россия* (раньше писали *о языке Российском*, подчеркивая уважение заглавной буквой). Он принципиально един, устойчив и всеобщ. Он возвышается над океаном наречий, жаргонов, даже общего просторечия, не говоря уж об особенностях речи отдельных личностей. Он служит дисциплинирующим орудием, наводящим порядок в обществе» (С. 8).

Другой аспект обсуждаемой проблемы — нормализация, в функционировании которой действуют, по мнению В.Г. Костомарова, «силы социальные и системно-языковые» (С. 56): «Казалось бы, их нормализационные игры одинаково направлены на создание оптимально и литературно образованного языка. Однако нечего было бы вообще играть, если бы не было разного понимания цели, не было бы разных тактик и приемов достижения очевидно разных интересов» (Там же).

Ученый полагает, что деятельность языка как общественного феномена определяется не только его законами, обеспечивающими ему устойчивое развитие, но и внешним влиянием, которое сейчас усилилось в связи с компьютерным параязыком и включенностью нового поколения носителей родного языка в игру с «лайками» и «стикерами», придающими уже другой социально-культурный фон академическим нормам, можно сказать, стирающим их и создающим на месте литературной традиции свою – *игровую норму*. Но все же автор книги оптимистичен в оценке языковой ситуации: «Люди и без того сами служат инструментом движения языка, не думая о нем, говоря и слушая, читая и записывая, просто употребляя его в общении. Они непроизвольно тормозят или ускоряют осуществляющееся через них независимо от осознанной их воли естественное, бесконечное его саморазвитие. Таков, если угодно, некий имманентный закон развития языков, который ради создания общего правильного, литературно образованного языка как-то сознательно упорядочивается на игорном поле нормализаторского взаимодействия системных сил и человеческого фактора» (Там же).

Показательно, что проблема правильности языка чаще всего выходила за горизонт собственного филологических дискуссий в периоды сильных социальных скачков – взрывов, когда рушились старые нормы и начиналось возвышение новых. Как правила, такая работа по созданию «более правильных» свойств языка регламентировалась словарями. Вспомним в этой связи первые проекты советской эпохи: так называемый русский «Лярусс» (сохранилась его картотека) и «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова. Первый, кстати, и немногие об этом знают, утверждал «эстетическую» норму Серебряного века, а второй был во многом зажат в тисках идеологического прессинга, диктовавшего более «совершенные», приемлемые для языкового вкуса того времени примеры и смыслы. Подробно об этом в книге: *Никитин О.В.* Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари). Славянск-на-Кубани, 2012.

В.Г. Костомаров считает, что в вопросе правильности языка необходимо учитывать и его интересы. Так, «главная системообразующая подсистема языка – неизменно устойчивая морфология все же меняется, как и все на свете, но механизм развития в ней крайне замедлен и осуществляется через *стадию ошибки*. Счет нормализационных игр тут чаще в пользу языка, так как он остерегается сдвигов в системообразующей основе» (С. 68).

При анализе понятия «норма» В.Г. Костомаров не выступает консерватором, диктующим правила языкового поведения. Ученый объясняет, что она всегда проходит скачкообразный путь: *норма – явная ошибка – распространенная (все более терпимая) ошибка – равноправная вариативность – смена нормы* (С. 69).

Еще один вопрос, который автор обсуждает на страницах своей книги, — выразительность языка. И здесь может показаться, что между нормативностью и эмоциональностью есть противоречие, на самом деле в коммуникации одно без другого не существует: «Правильность дисциплинирует, но она по природе своей объективна и тем противна естественному стремлению к яркости выражения» (С. 79). И далее: «Выразительность и нормативность не противоборствуют враждебно, а находятся в положении взаимной дополнительности» (С. 80).

Мы разделяем точку зрения В.Г. Костомарова о том, что «правильность существенно меняется в новой ситуации, но ее философская суть сохраняется уже потому, что языковое развитие одинаково, хотя с разной глубиной осмысления, происходит через функционирование, через использование языка людьми» (С. 206).

В книге В.Г. Костомарова представлены тонкие наблюдения ученых прошлого, какими бы разными они нам ни показались, — М.В. Ломоносова, В. фон Гумбольдта, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы, А.Г. Горнфельда, В.В. Виноградова, С.И. Ожегова. В пересечении с ними — современная полемика с идеями М.В. Панова, Г.Н. Склярёвской, В.П. Григорьевой, Н.Д. Арутюновой, М.Я. Гловинской и других авторов как бы подталкивает В.Г. Костомарова к новым размышлениям и даже лингвистическим прогнозам. Но философия языка тем и интересна, и поучительна, что она не может дать исцеляющего рецепта для выработки филологического и просто бытового иммунитета к антинорме. Она заставляет нас прислушаться к *обыденному* языку, понять механизмы его управления, движения молекул внутри паракультуры и осознать себя частью, живой плотью этого организма. Потому заключительные страницы этой книги проникнуты человеческим призывом увидеть красоту в своем языке, полюбить ее и не скрывать иллюзии того, что язык — не условный знак, а образ, состоящий из тончайших нитей бесконечной жизни, и наша задача — сплести их в клубок здравых мыслей, светлого разума и духовной крепости слова.

Замечательны слова В.Г. Костомарова, которые во многом уравнивают противоречивые филологические мировоззрения, роящиеся вокруг проблемы правильности и придают ей ясный, свежий, весенний аромат пробуждающейся жизни: «Язык должен помогать нам понимать друг друга, а для этого быть исповедальным в морали и нравственности. Нет оправдания потере чувства слова, даже если оно терется в погоне за нормой или как-то иначе измеряемой правильностью. Не норма и правильность командуют нами — мы сами их изобрели для своего же спокойствия и удобства» (С. 207).

И еще один мимолетный и, казалось бы, совсем не научный тезис ученого мы выхватили из эпилога книги, но он греет душу не меньше, чем какой-нибудь ученый трактат: «Живя в языке, — пишет

В.Г. Костомаров, — мы не замечаем, что он постоянно изменяется, как не замечаем, что сами стареем, хотя и пытаемся молодиться. Чтобы убедиться в этом, нужно сравнить свои фотографии, сделанные в разное время. Разница лишь в том, что для языка это необязательно морщины старости, а иной раз даже черты новой красоты» (С. 210).

© **О. В. Никитин**,
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный областной университет